

А.М. Спиридонов

АРХЕОЛОГИЯ В КАРЕЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ (середина 1920-х – начало 1950-х гг.)

Специально заняться археолого-историографической тематикой автора побудило обращение к довоенным коллекциям Каргосмузея, ныне – НМРК, составляющим существенную часть фонда «Археология», его ядро. Эти коллекции можно оценить двояко. С одной стороны, они, наряду с до-революционными – единственные в Карелии представляющие начало и становление археологии региона, при том, что большая часть материалов из довоенных разведок и раскопок археологических памятников на территории края, проводившихся столичными исследователями, хранится в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, а значительная часть – была утрачена или место их нахождения не установлено. В Карелии только с 1950-х гг. основным местом хранения коллекций становится не музей, а сектор археологии Института ЯЛИ Карельского филиала / Научного центра РАН. С другой стороны, в силу возраста, перипетий истории Каргосмузея и условий хранения его фондов, археологические коллекции довоенных и первых послевоенных лет сравнительно с более поздними поступлениями – плохо документированы, значительной частью депаспортизованы, что снижает возможности использования их в качестве археологических источников, но и не делает эти древности простыми иллюстрациями для историографии.

В начале 2000-х гг., в связи с созданием электронной базы данных «Археологические памятники Карелии», сотрудниками сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН была предпринята обстоятельная ревизия «своих» фондов. При этом археологические коллекции КГКМ (как и столичных музеев) в каталоге учтены выборочно, исключительно по публикациям и с лакунами¹. В музее каталогизация «старой» части фонда археологических коллекций, осуществлявшаяся с 1990-х гг. М.М. Шахновичем и И.Б. Степановой, не завершена. Обзор этих коллекций представлен в публикуемой в данном сборнике статье И.Н. Бородиной. Работа над историографией и коллекциями велась нами слаженно, что позволяет авторам снабдить статьи перекрестными ссылками. В данном тексте отсылка к номеру коллекции в таблице, составленной И.Н. Бородиной, оформлена жирным шрифтом в квадратных скобках.

Обращение к историографии в указанный период продиктовано не только разноплановой ценностью и прикладной задачей современной каталогизации пионерных в Карелии археологических коллекций, но и в более широком плане. С середины 1920-х гг. и до создания в Петрозаводске в 1946 г. Научно-исследовательской базы АН СССР, именно региональный музей в связке с Карельским научно-исследовательским институтом / институтом культуры был местной основой, на которой произошло становление собственно научное археологическое изучение края. Панорамные археолого-историографические обзоры в региональном ключе предпринима-

ли А.Я. Брюсов² и Ю.А. Савватеев, перу которого принадлежит специальная большая статья³, а также ряд информативных очерков, посвящённых персоналиям и археологическим памятникам края, на которые мы ссылаемся ниже. Но достаточно подробно, в столичном и местном контекстах, тем более с необходимым акцентом на музей и его коллекции, история археологии в регионе 1920-х – начала 1950-х гг. не рассматривалась.

Ведущая или важная вспомогательная роль Каргосмузея в становлении археологического изучения края определялась, во-первых, старшинством и преемством: Каргосмузей – наследник Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея, созданного 1871 г. по инициативе губернатора Г.Г. Григорьева в Петрозаводске при губернском статистическом комитете⁴. Преемственность в революционные и первые советские годы была реализована в деятельности музея в структуре Общества изучения Олонецкой губернии (1913–1917 гг.), организованного вице-губернатором А.Ф. Шидловским, и с 1923 г. Общества изучения Карелии при Наркомпросе АКССР⁵. Во-вторых, музей стал базой, включая предоставление в первые годы помещения, для созданных в 1931 г. историко-революционной и этнографо-лингвистической секций в составе Карельского научно-исследовательского (комплексного) института (КНИИ) при КарЦИК, в 1937 г. преобразованных в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК)⁶. При создании Института в начале 1930-х гг. ставилась задача объединения весьма скромных региональных исследовательских ресурсов и координации на месте для нужд республики экспедиционных и иных научно-исследовательских работ, проводившихся на её территории разными центральными учреждениями по своим планам. С 1920-х гг. последовательно увеличивалось республиканское финансирование исследований. Эта линия властей советской Карелии, связанная с именем Э. Гюллинга, была поддержана на уровне РСФСР, от имени которой было принято обращение к ЦИК СССР: «Обязать Всесоюзную Академию наук обеспечить открывающийся научно-исследовательский институт в Карельской АССР необходимыми кадрами научных работников»⁷.

Археологическая тематика в деятельности Карельского НИИ / НИИК и музея в довоенные годы с трудом поддается ведомственному разделению. На уровне местных «археологических» персоналий эти организации представляли одни и те же лица – Степан Андреевич Макарьев⁸, Александр Михайлович Линеvский⁹ и его супруга Нина Николаевна Гурина, Иван Михайлович Мулло¹⁰. В состав президиума КНИИ вместе со «свадебными» светилами-академиками во главе с Н.Я. Марром вошли молодые тогда археологи А.Я. Брюсов и В.И. Равдоникас. Реальные контакты с сотрудниками академических, музейных учреждений и ВУЗов Ленинграда и Москвы, а также местное финансирование / софинансирование, организация экспедиций, передача коллекций / их частей из раскопок в Петрозаводск, публикации материалов во многом осуществлялись через Каргосмузей¹¹.

На этой местной организационной основе и во взаимодействии с Государственной Академией истории материальной культуры (ГАИМК),

Музеем антропологии и этнографии (МАЭ – Кунсткамера) в Ленинграде и Государственным историческим музеем (ГИМ) в Москве со второй половины 1920-х гг. начинается если не эпоха, то во всяком случае период «великих археологических открытий» в Карелии, сделавших её широко известной и привлекательной для столичных учёных отнюдь не по административному принуждению, а как объект приложения заинтересованных исследовательских усилий, территорией формулирования и реализации идей в области изучения древней истории европейского Севера. Примерно так охарактеризовал итоги археологического изучения Карелии за 15 предвоенных лет А.Я. Брюсов, выступая на юбилейной (и последней) сессии Карельского НИИ культуры в январе 1946 г.¹²

Отправной точкой стало открытие древних наскальных изображений под Беломорском (Сорокой), простимулировавшее в известной мере также начало систематического изучения петроглифов Онежского озера. Летом 1926 г. на деньги, выделенные Совнаркомом АКССР, была организована небольшая студенческая этнографическая экспедиция географического факультета ЛГУ в северные районы Карелии. Эту экспедицию возглавил А.М. Линевский, в её состав вошёл и местный уроженец (шелтозерский вепс) С.А. Макарьев. А.М. Линевский оставил подробные воспоминания об организации и ходе этой поездки, ставшей для него судьбоносной: знакомстве с тогдашним директором Петрозаводского музея В.И. Крыловым, приёме у Предсовнаркома АКССР Э. Гюллинга, о том, как сбор этнографических материалов неожиданно завершился открытием наскальных изображений на р. Выг близ Сороки – первых 300 петроглифов Выгострова – «Бесовых Следков»¹³. Аналогия найденных рисунков на скалах с онежскими петроглифами, известными с XIX в., была очевидна. Открытие студента и снятые им копии рисунков сразу получили самые высокие оценки не только на факультете, но также признанных патриархов и столпов археологии России 1920-х гг. – А.А. Спицына (ГАИМК) в Ленинграде и по случаю ознакомившегося с материалами В.А. Городцова (ГИМ) в Москве. Александр Андреевич Спицын сопроводил первую подробную публикацию материалов молодого этнографа своей специальной заметкой «Олонецкие петроглифы», в которой писал: «Настоящим изданием вписывается новая интересная страница в науку древностей Восточной Европы»¹⁴.

Знакомство главы московской археологической школы Василия Алексеевича Городцова с копиями изображений, снятыми на Бесовых Следках, имело не менее значительные последствия: находки в Карелии очень заинтересовали аспиранта В.А. Городцова – А.Я. Брюсова, только что приступившего в составе группы молодых сотрудников ГИМ (А.В. Збруева, М.Е. Фосс, студент Д.А. Крайнов) к работам в соседней Архангельской области, на Летнем берегу Белого моря. Состоялось знакомство и, как вспоминает А.М. Линевский, «начиная с лета 1927 г. мы стали ездить вместе. Он [Брюсов] раскапывал стоянки, я занимался новым копированием петроглифов на Выгострове и на Бе-

совом Носу Онежского озера»¹⁵. А.Я. Брюсов описывает события так: «С любезного разрешения А.М. Линевского, сотрудника Государственного Карельского музея, были произведены в 1928 и 1929 гг. раскопки около открытого и исследованного им петроглифа «Бесовы Следки»... [см.: **11–13**]; в раскопках 1929 г., произведённых А.Я. Брюсовым, при участии студентов 1-го Московского университета Н.А. Прокошева, Н.Н. Гуриной, на средства Наркомпроса АКССР и Государственного исторического музея» исследованы стоянки у Бесовых Следков и на р. Суна¹⁶. Для А.Я. Брюсова промежуточным итогом этих работ, представления их материалов на значительно более широком фоне, стала защита уже в 1928 г. диссертации «Северо-Запад России с конца 3 до половины 1 тысячелетия до н. э.». В конце 1920-х гг. полевые археологические исследования А.Я. Брюсова смещаются в Прионежье. Вот далеко не полный перечень его экспедиционных работ. В 1928–1934 гг. им открыты и с перерывами раскапывались неолитические стоянки у д. Часовенская в низовье р. Суна [**15**], в 1929-м и последующие годы – помимо петроглифов, совместно с А.М. Линевским исследовались стоянки у Бесова Носа на восточном берегу Онего¹⁷. В 1931–1932 гг. он раскапывает островную стоянку Илекса на оз. Куштозеро (Вытегорский район Вологодской области) [**18**]¹⁸. В 1929–1932 гг. он ведёт исследования в Песках и Соломенном на северной окраине Петрозаводска, в том числе на получившем хрестоматийную известность поселении-мастерской эпохи бронзы, названном по ближайшему ручью Томица [**17**]¹⁹. В 1932–1933 гг. к юго-западу от Петрозаводска, при аномально низком уровне воды в озёрах Машезеро и Лососинное, идя по следам находок ещё XIX – начала XX в., А.Я. Брюсов провёл тщательные сборы подъёмного материала на оголившимся пляжах и таким образом зафиксировал около десятка стоянок каменного века [**16**]²⁰.

Эти работы увлекли и С.А. Макарьева, который в 1927 и 1928 гг. в ходе этнографических поездок предпринял самостоятельные небольшие археологические исследования у себя на родине, в окрестностях дд. Вознесенье и Рыбрека в Прионежье, и на оз. Шимозеро в Вологодской области²¹. Отправиться на родину в том числе с археологическими целями С.А. Макарьева побудили не только работы Линевского и Брюсова, но также исследования в Ленинградской области и Карелии (Олонецкой губернии), проведённые в 1870-х гг. И.С. Поляковым и в 1920-х гг. молодым ленинградским геологом Б.Ф. Земляковым. В ходе геологических изысканий Б.Ф. Земляков открыл и обследовал в нескольких пунктах (Вознесенье, Рыбрека, Логмозеро / Соломенное близ Петрозаводска, Челмужи, Бесов Нос на северном и восточном берегах Онего) стоянки каменного века; он связал собранные на памятниках материалы с археологической культурой гребенчатой керамики Финляндии, выделенной и соотнесённой с геологическими данными Ю. Айлио в работах 1909 и 1915 гг., а также с известными петроглифами («фрезьбами») на Бесовом и Пери Носах и на о. Голец в Пудожском крае²².

В 1927 г., возможно, не без участия С.А. Макарьева (директором музея тогда был В.И. Крылов²³), с Пери Носа в Петрозаводский музей был перевезён обломок скалы с петроглифами, поныне украшающий экспозицию. В истории этого приобретения музея не всё ясно. Примерно одновременно с работами Б.Ф. Землякова, в 1926 г. в Пудожском районе работала экспедиция Института истории искусств под руководством проф. К.К. Романова (продолжая ещё дореволюционные историко-архитектурные исследования в этом районе). От Ленинградского отделения Главнауки к экспедиции был прикомандирован в качестве археолога профессиональный фотограф Ф.М. Морозов, проведший исследование (сейчас бы их определили как мониторинг) на петроглифах в районе Бесова Носа и опубликовавший с довольно подробной библиографией вопроса свои наблюдения с заключением о необходимости срочных мер охраны рисунков на скалах²⁴. По итогам поездки им сделано также краткое сообщение на заседании в ГАИМК. Об этих работах упоминает в своей заметке «Олонецкие петроглифы» А.А. Спицын: «В 1926 г. петроглифы были осмотрены Ф.М. Морозовым, который в виду угрожающего положения их, забил тревогу, обратился с запиской в высшие учреждения Ленинграда, но без результатов»²⁵. Похоже, охранная инициатива Ф.М. Морозова дала некоторые «результаты» на местном уровне, найдя отклик в Петрозаводском музее²⁶.

В конце 1920-х гг. к работам в Карелии приступает Владислав Иосифович Равдоникас, начинавший после переезда из Тихвина научную карьеру в Ленинграде в МАЭ (Кунсткамера) АН СССР. Летом 1929 г., как он пишет, по поручению Комиссии по изучению племенного состава и Совета по изучению производительных сил АН СССР и в качестве начальника отряда Карельской экспедиции ГАИМК, В.И. Равдоникас совместно с Г.П. Гроздиловым провёл раскопки раннесредневековых курганов на рр. Олонке, Видлице и Тулоксе, а также на р. Оять в Ленинградской области, с обязательством «провести обработку археологических коллекций из раскопок» и представить отчёт для печати²⁷. Возможно, маршрут экспедиции В.И. Равдоникаса 1929 г. был обусловлен не только цитируемыми им публикациями А.М. Тальгрена 1916 г. и Х. Салонена 1929 г. (последнюю статью Равдоникас едва ли успел прочесть, готовясь к работам) о раскопках Д. Европеусом в 1870-х гг. курганов под Олонцом. С этими местами он познакомился значительно раньше и не по книгам: в феврале – мае 1919 г. Равдоникас был командиром Отряда особого назначения Красной армии на Карельском фронте, действовавшим именно в Олонецком районе²⁸. Обладая к тому времени опытом раскопок погребальных насыпей на р. Сясь в Юго-Восточном Приладожье в 1915 г., 25-летний командир отряда РККА вполне мог примечать курганы и учесть это при подготовке экспедиции 1929 г.²⁹ Уже в 1930 г. материалы разведок и раскопок раннесредневековых памятников в Приладожье и их культурная и историко-социологическая оценка были частично опубликованы В.И. Равдоникасом на немецком языке в статье и книге, соответственно – в Хельсинки и Стокгольме³⁰. В том же году они увиде-

ли свет в Петрозаводске в первом выпуске ежегодника Каргосмузея³¹. Находки (все коллекции – ?) из раскопок В.И. Равдоникаса в Олонецком районе, а также на рр. Оять и Сясь в 1930 г., поступили в Карельский государственный музей [1–9].

Тогда же фонды пополнились ещё одной курганной коллекцией [10]. В конце 1920-х гг. Каргосмузеем были приобретены вещи из грабительских (по сути) раскопок местным учителем двух насыпей у д. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера. Директор С.А. Макарьев ознакомил с новым поступлением В.И. Равдоникаса и А.Я. Брюсова, которые отнеслись к сообщению по-разному. В.И. Равдоникас в 1934 г. опубликовал небольшую заметку с описанием, фотографией вещей и их краткой характеристикой³². А.Я. Брюсов предпринял в 1934 г. специальную экспедицию в Кокорино и раскопал остатки двух насыпей (и углежогную кучу в окрестностях, принятую им за курган), в которых почти не встретил находок, и потому охладел к сообщению и своим раскопкам³³.

Проблемой оставалась материальная база Каргосмузея, его реальные возможности стать местной опорной точкой для проведения исследовательских работ, в том числе археологических изысканий. С.А. Макарьев, заступивший на пост директора музея, штат которого состоял из четырёх сотрудников включая его самого, на рубеже 1930-х гг. оптимистично писал: «Подъотдел доисторический в связи с новыми открытиями петроглифов (каменных изображений), новых стоянок, ожидает очередных пополнений и систематического экспонирования своих коллекций»³⁴. Однако, растущие археологические коллекции скоро стали превышать реальные возможности музея обеспечить их хранение, в связи с чем приём материалов экспедиций был даже временно прекращён. Проблему нехватки помещений музей унаследовал с дореволюционного времени. В 1929 г. постановлением СНК АКССР Каргосмузею было передано здание заводской (Александровского завода) церкви во имя св. Александра Невского. В 1931 г. здесь открылись экспозиции промышленного отдела и историко-революционной секции КНИИ / КГМ. Только к 1935 г. здание бывшей церкви было реконструировано под нужды музея и состоялся его окончательный переезд с площади 25-го Октября. Как пишет К.Э. Тюкова, «это было не худшей долей, постигшей церковь, музей спас здание от разрушения»³⁵. Реальное состояние материальной и кадровой базы является одним из объяснений выборочного приёма отдельных вещей, а не целиком коллекций, из проводившихся в республике в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. раскопок.

Важной вехой в археологическом изучении Карелии стали исследования геологов (и археологов) Б.Ф. Землякова и Г.И. Горецкого в окрестностях Повенца и Медвежьегорска в 1932–1934 гг. – в зоне строительства первых шлюзов Беломоробалтийского канала³⁶. В ходе ширококомасштабной стройки, осуществлявшейся в сжатые сроки, обстоятельства которой теперь довольно хорошо известны, преимущественно работниками Белбалтлага на четвертичных береговых террасах были выявлены до сорока

местонахождений древних вещей, обследованных специалистами. Б.Ф. Земляков в 1933 и 1934 гг. провёл широкие раскопки на двух стоянках у Медвежьегорска и на трёх – около Повенца. К непосредственному участию в «великой стройке социализма» – строительству ББК имени И.В. Сталина – Каргосмузей не привлекался (возможно, в работах Б.Ф. Землякова участвовала сотрудница музея Н.Н. Гурина, хотя сведений об этом мы не нашли), материалы из сборов и раскопок поступали в музей ББК, но большей частью, видимо, были сданы в музей Ленинграда. Общий труд Б.Ф. Землякова по поздне- и послеледниковой геологии Карелии с привлечением археологических материалов, важных для датирования, был опубликован Карельским НИИ в Петрозаводске в 1936 г.³⁷

Ещё одним результатом работ Беломорско-Балтийской экспедиции ГАИМК под руководством Б.Ф. Землякова стали раскопки в 1934 г. пяти раннесредневековых курганных насыпей в Челмужах. Работы были проведены «на свой страх и риск» ленинградскими археологами Г.П. Гроздиловым и Н.Н. Чернягиным – село Челмужи находится в 50 км к востоку от Повенца, поэтому такое уклонение от технического задания и трассы канала грозило как минимум обвинением в нецелевом расходовании средств³⁸. Коллекция из раскопок челмужских курганов пополнила фонды Государственного Эрмитажа (кол. № 1553).

В 1932 г. в штат научных сотрудников КНИИ был принят яркий, многосторонний исследователь и личность неординарная – Н.Н. Виноградов. Он обосновался в Петрозаводске после соловецкого лагеря и ссылки; в СЛОН с 1927 г. он был заведующим музеем, в 1928–1932 гг. – секретарём известного Соловецкого общества краеведения³⁹. На Соловках он провёл, в частности, пионерные археологические исследования архипелага и в 1927 г. опубликовал небольшую книгу «Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников»⁴⁰. В Карельском НИИ Н.Н. Виноградов продолжил (вплоть до ареста и расстрела в Сандармохе близ Повенца в 1938 г.) заниматься сбором материалов о соловецких узниках, фольклора, принял активное участие в создании заповедника «Кивач». Как археолог он выступил в 1936 г. в роли по сути первооткрывателя мезолитического Оленеостровского могильника.

А.М. Линевский в 1934 г., после двух лет службы в Центральном архиве АКССР, поступил на работу в Карельский НИИ и возвратился к теме изучения петроглифов. «Старая» тема свела его с В.И. Равдоникасом, тоже занявшимся наскальными изображениями Карелии. К тому времени В.И. Равдоникас – уже доктор исторических наук, восходящая звезда советской археологии, борец с «ползучим эмпиризмом» и за перевод ГАИМК «на марксистские рельсы»⁴¹. В 1934 г. он проводил раскопки стоянки у с. Вознесенье в истоке р. Свирь из Онежского озера⁴², в которых участвовали Б.Ф. Земляков и Н.Н. Гурина, позже ставшая аспиранткой В.И. Равдоникаса в ИИМК, она же обработала и подробнее опубликовала материалы Вознесенской стоянки. В ходе этой экспедиции 1934 г. состоялась первая ознакомительная поездка Равдоникаса на Бесов Нос. Чуть позже, как вспо-

минал А.М. Линеvский, «поборов гордыню» я отправился к В.И. Равдоникасу и договорился, что буду с женой работать в его экспедиции, а за это он снабдит меня всеми копиями петроглифов. Лето 1935 г. мы проработали вместе [на Онежском озере и Белом море]»⁴³. Работы финансировались Карельским НИИ и ленинградским МАЭ; в течение полевого сезона был обнаружен ряд новых петроглифов, с применением новой методики сняты копии всего примерно семисот изображений.

В 1936 г. вышел первый том нового всесоюзного академического альманаха «Советская археология» с большой заглавной статьей В.И. Равдоникаса «К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря», открывавшейся цветной репродукцией рисунка кисти его жены с видом Бесова Носа⁴⁴. Статья представляет собой историографический обзор проблем изучения петроглифов Северной Европы и анонс полной публикации онежских и беломорских петроглифов, копирование которых ещё предстояло завершить. Отдав должное работам А.М. Линеvского конца 1920-х гг. в Беломорье и попутно открестившись от истории с перемещением в 1935 г. с использованием взрывных работ в Эрмитаж плит с петроглифами Пери Носа (т.н. «крыша мира»), В.И. Равдоникас сосредоточился на критике методики копирования изображений А.М. Линеvским (что было странно после совместных работ истекшего сезона) и, главное – его подхода к интерпретации петроглифов как «снимков с натуры»⁴⁵.

Летом 1936 г. В.И. Равдоникас, работая уже в одиночку, открывает новые большие группы наскальных изображений в низовье р. Выг – Залавругу – и проводит небольшие раскопки в окрестностях. Их пути с А.М. Линеvским окончательно расходятся. Разногласия исследователей нашли отражение в статьях и монографическом издании материала В.И. Равдоникаса, первый том которого, посвящённый онежским петроглифам, увидел свет в рекордно короткий срок – в том же 1936 г.⁴⁶; и в книге А.М. Линеvского, опубликованной КНИИК в 1939 г.⁴⁷ (а также практически во всей громадной последующей историографии, затрагивающей вопросы семантики изображений⁴⁸).

Широкие работы, развернувшиеся на онежских петроглифах, вновь поставили проблему охраны объекта – в связи с возможным подтоплением скал с рисунками при строительстве плотины второй (Подпорожской) ГЭС на р. Свирь и особенно – с варварским взрывом на Пери Носе в 1935 г. Ещё в декабре 1934 г. по инициативе КНИИ (надо полагать – С.А. Макарьева и зачисленного в штат А.М. Линеvского), Совет народных комиссаров АКССР «в целях сохранения крупного археологического памятника (петроглифов), имеющего большое научное значение», принял постановление о создании на Бесовом и Пери Носах заповедника в структуре республиканского НИИ. Постановление, в частности, запрещало взрывные работы для извлечения фрагментов скал с рисунками. После образования Карельского НИИ культуры, для которого объект стал «непрофильным», специальным постановлением СНК Карелии заповедник в 1939 г. передали Каргосмузею. Кроме попыток организации охраны территории, эта местная инициатива оказалась бесплод-

на, а в результате затянувшегося на 1939–1941 гг. бюрократического спора Наркомпроса, Наркомхоза, Наркомфина и Управления по делам искусств при СНК АКССР о разграничении функций и полномочий, в ходе Зимней войны и с образованием Карело-Финской ССР сама идея создания филиала КГМ на петроглифах была надолго забыта⁴⁹.

Тем же летом 1936 г. С.А. Макарьев, вернувшийся после первого ареста на работу в Каргосмузей в должности начальника исторического отдела, провёл широкую археологическую разведку – вновь у себя на родине, в Вепском крае, где зафиксировал новые стоянки у дд. Вознесенье, Рыбрека, Другая Река и Шелтозеро, а также на Заонежском полуострове, где обнаружил два древних поселения в районе д. Кузаранда [23, 24]⁵⁰.

Следующим «великим открытием» (кавычки здесь следовало бы снять) довоенного периода, получившим широчайшую известность, стали работы на мезолитическом могильнике на Южном Оленьем острове Онежского озера. Человеческие кости на вершине небольшого острова с XIX в. находили при кустарной добыче извести кижские крестьяне, давшие местности название «могильник». В начале 1930-х гг. трудами во многом финнов-переселенцев из США и Канады здесь была развернута промышленная разработка редкого в Карелии известняка; с середины 1930-х гг. оленеостровские разработки – один из пунктов Белбалтлага. В 1933–1935 гг. в Каргосмузей поступали сведения о находках и сами обнаруженные в карьере кости и вещи [21]: четыре сланцевых ножа, наконечники стрел из кости и подвеска из зуба медведя.

Далее лучше процитировать Ю.А. Савватеева, специально занимавшимся этим сюжетом: «Удивляет, что разведка А.Я. Брюсова на Оленьем острове тем же летом [1933 г.], длившаяся несколько дней, не дала результатов. В мае 1936 г. прораб известняковых разработок вновь сообщил в Петрозаводск, что карьер уничтожает какие-то захоронения, поэтому он работы временно приостановил. Дирекция Института [КНИИ] незамедлительно командировала туда Н.Н. Виноградова. Он сразу понял ценность информации и установил, что действительно разрушается древний могильник, представляющий огромный научный интерес. Его наблюдения об условиях залегания находок с приложением фотографий 31 мая 1936 г. переслали из Института в Ленинград в Институт [Музей] антропологии и этнографии АН СССР, а оттуда поступившие сведения передали в Институт истории материальной культуры (ГАИМК)»⁵¹. Продолжим (и сравним) цитатой из В.И. Равдоникаса: «В июне 1936 г. ГАИМК им. Н.Я. Марра получил одновременно от Б.Ф. Землякова и от Научно-исследовательского института Карелии извещение о том, что на Ю. Оленьем острове происходит разрушение каких-то древних погребений. ГАИМК сразу же были приняты спешные меры: сначала на место был послан разведочный отряд в составе Г.П. Гроздилова и Н.Н. Гуриной [на Оленьем острове, как установлено, их сопровождал Н.Н. Виноградов], а в июле туда поехала и до сентября вела работы экспедиция ГАИМК» под руководством В.И. Равдоникаса⁵². В 1936–1938 гг. экспедицией Равдоникаса, в которой участвовали несколь-

ко академических и музейных учреждений Ленинграда и Москвы, а руководили раскопками также Н.Н. Чернягин и Н.Н. Гурина, были изучены 177 погребений⁵³. По имеющимся оценкам, не менее половины захоронений могильника были уничтожены кустарными разработками известняка и карьером до приезда археологов. Экспедицией была исследована также примыкающая к могильнику мезолитическая стоянка. Материалы Оленеостровского могильника были полностью обработаны и изданы Н.Н. Гуриной только в 1956 г.⁵⁴ Коллекция хранится в МАЭ, в 1957 г. Н.Н. Гурина, помятуя о годах жизни и работы в Карелии, передала в КГМ предметы инвентаря трёх погребений [22].

С 1938 г. Н.Н. Гурина, продолжая, как и при раскопках в отряде В.И. Равдоникаса Вознесенской стоянки у истока р. Свирь, более ранние исследования Б.Ф. Землякова, проводит разведки и раскопки древних поселений на северном побережье Онежского озера, в окрестностях Медвежьегорса и Повенца. За три полевых сезона ею были обследованы ранее известные пункты находок и найден ряд новых стоянок. Широкие раскопки Н.Н. Гуриной были сосредоточены на Войнаволоке в окрестностях Повенца и в 15 км восточнее города, на п-ве Оровнаволок. Эти исследования, опиравшиеся также на геолого-хронологические разработки Б.Ф. Землякова, предшествовавшие работы А.Я. Брюсова в регионе и схему, предложенную ещё в 1910-х гг. на финляндских материалах Ю. Айлио, позволили Н.Н. Гуриной впервые составить связную типохронологическую шкалу смены археологических культур территорий, включающих Южную Карелию, периодов неолита и энеолита: памятники с керамикой сперрингс – с ямочно-гребенчатой керамикой – с асбестовой керамикой⁵⁵. Уже после войны, в 1946 г., по этим разработкам ею была защищена кандидатская диссертация «Поселения эпохи неолита и раннего металла северо-восточного побережья Онежского озера», в сжатом виде опубликованная в 1951 г.⁵⁶ В 1947 г. громадные (суммарно до 10 тысяч предметов) коллекции из раскопок 1938–1940 гг. поселений Пушсовхоз 2, Войнаволок 5–7, 9, Оровнаволок 1 и 2 [25–31], а также разведки 1940 г. в нижнем течении р. Олонка (торфяниковая стоянка у д. Рышкола [32]), пережившие блокаду Ленинграда, с некоторыми изъятиями были переданы Н.Н. Гуриной в Петрозаводск и сразу на порядок увеличили объём археологического фонда музея.

Эти коллекции в музей принял И.Н. Тихонов, с 1938 г. участвовавший в разведках и раскопках Н.Н. Гуриной под Повенцом; с этого времени и до начала 1960-х гг., по заданиям музея он осуществил ряд самостоятельных археологических работ – сборов материала по указаниям местных жителей в Шуге [33], на Логмозере / Пичево, Сямозере и в других пунктах, находки из которых также пополнили фонды⁵⁷.

Итоги довоенных археологических работ в Карелии подвели упомянутые выше книги В.И. Равдоникаса и А.М. Линецкого, а также изданный в 1940 г. в Москве по материалам докторской диссертации труд А.Я. Брюсова «История древней Карелии». В этой монографии

исследователь более или менее полно опубликовал материалы своих десятилетних полевых работ в республике и чрезвычайно ценные и сегодня приложения: подробную библиографию по дореволюционным и довоенным археологическим находкам на европейском Севере России и каталог известных к тому времени археологических памятников Карелии, включивший сведения о более двухстах объектах⁵⁸.

Эти итоги пришлось подводить снова и как-то намечать актуальные археологические перспективы по итогам Зимней войны с Финляндией и в связи с преобразованием КАССР в Карело-Финскую ССР (31 марта 1940 г.). 17 мая 1940 г. в Ленинграде состоялся пленум ИИМК, посвящённый археологическому изучению новой союзной республики; тексты докладов В.И. Равдоникаса, Б.Ф. Землякова и Н.Н. Гуриной тогда же были опубликованы в Кратких сообщениях института. В.И. Равдоникас в печатной версии доклада писал: «Территория, присоединённая к Советскому Союзу по мирному договору с Финляндией (западная часть Карельского перешейка, западное и северное Приладожье, территория восточнее Мекркъярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего), представляет значительный интерес в археологическом отношении ..., изучение памятников западной части Карело-Финской ССР должно иметь особое значение»⁵⁹.

Политически мотивированное повышение статуса приграничной Карелии до союзной республики повлекло массу необходимых преобразований, в том числе в сферах культуры и образования. Музей был переименован в Центральный государственный, в его состав вошёл в качестве филиала архитектурный ансамбль Кижского погоста (см. также выше о передаче Каргосмузею заповедника «Бесов Нос»). За короткий период до новой войны очень важные шаги успели сделать историки, работавшие в штате Карельского НИИК – Р.Б. Мюллер, В.И. Пегов, В.Г. Гейман, С.С. Гадзяцкий, опубликовавшие в сотрудничестве с Ленинградским отделением Института истории АН СССР сборник «Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.»⁶⁰. По совместному постановлению ЦК КП(б) и СНК КФССР при поддержке из Москвы в июне 1940 г. на базе созданного десятилетием ранее местного педиститута, кадры которого, как и КНИИ, попали под жернова «Большого Террора» 1937–1938 гг., был открыт Карело-Финский государственный университет. В этих условиях срочная интенсификация археологических исследований, на которую настаивал пленум ИИМК, при имевшихся солидных наработках предшествующих полутора десятилетий, была нереальна. Летом 1940 г. в Карелии продолжали работать две ленинградские экспедиции (под Повенцом и Олонцом под руководством Н.Н. Гуриной и на р. Кемь – Г.И. Горецкого). В очередном томе «Советской археологии» Н.Н. Гурина, В.И. Равдоникас и Б.Ф. Земляков опубликовали материалы упомянутых выше более ранних работ у с. Вознесенье на р. Свирь.

К осени 1941 г., когда линия Карельского фронта стала приближаться к Петрозаводску, сотрудники музея, КНИИК и вновь созданного

КФГУ были эвакуированы в Сыктывкар, а в начале 1943 г. по решению республиканских властей, продолжавших свою деятельность в неоккупированных районах, музейные работники переместились во временную столицу – г. Беломорск. Накануне оккупации Петрозаводска финскими войсками часть фондов музея также была эвакуирована, но это не коснулось археологических коллекций, с которыми в годы войны успели поработать финские исследователи.

В конце 1941 г. правительством Финляндии и оккупационными властями был создан Государственный научный комитет Восточной Карелии, задачей которого было исследование захваченных земель прежде всего в экономически значимых отраслях (лесной сектор, сельское хозяйство), но также и в области гуманитарных дисциплин – том числе для национал-исторического обоснования прав на владение присоединённой территорией в духе «племенной идеологии» и «Великой Финляндии». Комитет привлёк к исследованиям в Восточной Карелии целый ряд крупных специалистов, в число которых спустя год вошли и археологи⁶¹. В июне 1943 г. Элла Кивикоски по следам Д. Европеуса и В.И. Равдоникаса предприняла раскопки незамеченных последним двух курганов эпохи викингов у д. Пирдойла на р. Видлица (Олонцкий район). Уже на следующий год материалы этих раскопок были опубликованы ею в Копенгагене⁶². Исследованиями на памятниках каменного века занялся Аарне Юрьяпя – под Медвежьегорском по следам Б.Ф. Землякова (о работах Н.Н. Гуриной он, видимо, не знал), в низовье р. Суна и в Соломенном под Петрозаводском – по следам А.Я. Брюсова, с книгой которого он был явно знаком, и в пос. Шуя – в основном по местам более ранних находок и сборов И.Н. Тихонова 1938 г., обнаружив при этом два новых местонахождения⁶³. Юрьяпя не опубликовал сколько-нибудь подробно результаты своих археологических экскурсий. Современные финские исследователи так пересказывают его итоговый рапорт: «Юрьяпя пишет в своём отчёте, что в результате исследований 1943 г. получена хорошая коллекция находок со стоянок. Эти находки представляли собой в основном керамику, но также орудия из мягкого сланца и галек и некоторые собранные кости. Он полагал, что эти артефакты хорошо дополняют коллекции, уже имеющиеся в Национальном музее Финляндии, поскольку никаких подобных находок из Олонца прежде не было, за исключением материала с поселения Аласалми [Нижняя Салма]»⁶⁴.

А. Юрьяпя (как и Э. Кивикоски), очевидно, ознакомился с археологическими коллекциями Петрозаводского музея: в своих последующих работах он ссылается на не опубликованные полностью А.Я. Брюсовым материалы со стоянки-мастерской Томица (Сооменное), где он также предпринял сборы и небольшие раскопки⁶⁵. Значительно подробнее с фондами музея познакомился на протяжении месяца в начале 1944 г. эстонский археолог Ричард Индреко. Он бежал из оккупированной немцами Эстонии в Финляндию и был привлечён к работе Государственным научным комитетом специально для составления каталога археологических коллекций музея в Петрозаводске – как археолог-профессионал, к тому же владевший рус-

ским языком и техникой рисунка. По опубликованным сведениям К. Нордкивиста, каталог Р. Индрекко, хранящийся в Национальном департаменте древностей Финляндии (Museovirasto), включает три объёмистые папки с описаниями коллекций, карандашными зарисовками вещей, сгруппированными на 29 разделов по местам находок, соотносённым с опубликованным каталогом памятников А.Я. Брюсова 1940 г.⁶⁶ Столь подробной описи в музее ни до, ни после войны не составлялось, так что труд Р. Индрекко мог бы оказать Национальному музею Карелии действительно неоценимую помощь – не только в плане выяснения судеб его дореволюционных и довоенных археологических коллекций, но и в работе с сохранившимися на сегодня вещами фонда, которые значительной частью депаспортизованы. Подобная работа проделана в Музее-заповеднике «Кижы» с известной коллекцией Ларса Петтерссона – материалами по храмовой архитектуре и иконописи Заонежья, собранными в период оккупации края в 1942–1944 гг.⁶⁷

Продолжение полевых археологических работ в Восточной Карелии планировалось финнами и на 1944 г., но начавшееся в июне наступление советских войск на Карельском фронте не дало этим планам осуществиться.

Петрозаводск был освобождён в конце июня и в город из Беломорска возвращаются эвакуированные сотрудники советских учреждений. А.М. Линевский, тем же летом защитивший кандидатскую диссертацию в Москве, приехал в Петрозаводск к осени 1944 г. и, спустя некоторое время, «по старой памяти, взялся восстанавливать Петрозаводский музей», который, согласно его воспоминаниям, был разграблен. «Месяца через три из Финляндии возвратили в музей вывезенное. Ради справедливости отмечу, что, например, древние образа из Кижей и других церквей были заботливо обиты гофрированной плотной бумагой, а застекленные фото уложены в ящики с прослойкой из стружки и т. п. Но финны вернули не все. Так, исчезли все курганные находки из раскопок В.И. Равдоникаса в юго-восточном Приладожье...»⁶⁸.

Затронутый А.М. Линеваким сюжет с возвращением (и, соответственно, с предшествовавшим ему вывозом) археологических коллекций Петрозаводского музея в / из Финляндии – часть особой, болезненной темы, по сей день не раскрытой должным образом (не по вине исследователей) по обе стороны границы. О «древних образах из Кижей», увиденных А.М. Линеваким при возвращении в Центральный государственный музей КФСР, и коллекции Л.Петтерссона коротко сказано выше. Но остается только гадать, что происходило в 1944–1945 гг. с археологическими коллекциями, в частности – с находками из раскопок В.И. Равдоникаса 1929–1930 гг., упомянутыми Линеваким как невозвращенные: большая часть предметов (но не все!) из курганов Олонецкого района, рр. Оять, Сясь и из Кокорино сегодня находится в фондах Национального музея Карелии [1–10], а сохранившиеся описи коллекций с общим названием «Предметы, переданные Равдоникасом» относятся только к 1950–1960-м гг.

Своего рода черту под этапом становления археологии в Карелии подвела публикация в 1947 г., последняя под грифом Карельского НИИ культуры, «Археологического сборника», подготовленного ещё до июня 1941

г.⁶⁹ В книге под редакцией А.Я. Брюсова помещены статьи его самого, Н.Н. Гуриной, В.С. Ямпольского, Г.П. Гроздилова, на которые ссылаемся выше в связи с исследованными ими памятниками, а также Я.В. Станкевич о приладожских курганах (она работала в до- и послевоенные годы в экспедиции Равдоникаса в Старой Ладоге) и М.Е. Фосс о знаменитой торфяниковой стоянке Веретье на оз. Воже в Каргополье. На сборнике лежит печать послевоенной цензуры: в числе авторов нет Б.Ф. Землякова, его имя вычеркнуто из текста и даже из примечаний в статьях Брюсова и Гуриной. Не случайно. По сведениям из Интернета, Б.Ф. Земляков оказался на оккупированной немцами территории, затем в Германии, где следы его в 1945 г. теряются. В статье Н.Н. Гуриной в сборнике 1947 г., посвящённой Кандалакшскому лабиринту и интерпретации этих загадочных сооружений Беломорья, исчезло имя их исследователя Н.Н. Виноградова.

В 1946 г. КНИИК был включён в состав вновь созданной Научно-исследовательской базы (вскоре – филиала) АН СССР и реорганизован в Институт языка, литературы и истории⁷⁰. Наряду с другими сотрудниками в Институт ЯЛИ переходит на работу А.М. Линеvский. Музей в 1945 г. был переподчинён Комитету по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров КФССР и стал Государственным историко-краеведческим музеем⁷¹. Возникла административная разобщённость учреждений, однако тесное сотрудничество между реорганизованными музеем и институтом, равно как с академическими и музейными учреждениями Ленинграда и Москвы, при этом не прервалось.

В 1947–1949 гг. А.М. Линеvский предпринял широкомасштабные исследования 170 курганов на р. Оять в Ленинградской области⁷². Полностью материалы этих раскопок, хранившиеся в неразобранном виде в Институте ЯЛИ, были опубликованы С.И. Кочуркиной уже после его смерти, в 1985 г.⁷³ Небольшая часть коллекции из оятских курганов была сдана А.М. Линеvским в фонды КГКМ [34–37].

К работам в Карелии возвращается А.Я. Брюсов. В 1946 г. он закладывает шурфы в пойменной части приустья р. Лососинка в Петрозаводске – на месте цехов Петровского завода XVIII в.⁷⁴ В 1947–1948 гг. в качестве руководителя совместного отряда ИИМК, ГИМ и Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР (в экспедиции принимает участие сотрудник музея И.Н. Тихонов) А.Я. Брюсов вновь посещает Оленеостровский могильник, доисследует стоянку Сунская 2-я и проводит разведочные раскопки на 3-ей, обнаруживает новую стоянку у петроглифов Залавруги на р. Выг, открытых В.И. Равдоникасом, проводит дополнительные раскопки на островной стоянке Илекса на оз. Куштозеро в Вологодской области⁷⁵.

С 1948 г. полевые работы на территории республики на средства Института ЯЛИ возобновляет Н.Н. Гурина, на протяжении четырёх сезонов обследовавшая (впервые, не считая финских коллекционеров конца XIX в.) внутренние озёра Западного Прионежья, Средней и Северной Карелии и открывшая на них несколько десятков новых памятников разных эпох. Значительные по площади раскопки в эти годы проведены ею в Южной Каре-

лии на озёрах Сямозеро (у дд. Курмойла, Чуйнаволок [51]), Шотозеро, в окрестностях Петрозаводска (Соломенное, Сайнаволок)⁷⁶, а также в Средней и Северной Карелии⁷⁷. В 1952–1954 гг. Н.Н. Гурина исследовала несколько поселений эпохи бронзы в нижнем течении р. Олонка [52]⁷⁸. Параллельно с этими работами И.Н. Тихонов в 1949 г. провёл сборы материала на памятниках в Прионежском и Пряжинском районах [39–50].

В 1955 г. А.М. Линеvский уходит из Института ЯЛИ и полностью переклyчается на литературное творчество. В институте его сменил Григорий Александрович Панкрушев, только что закончивший под руководством А.Я. Брюсова аспирантуру в Москве и с 1960-х гг. возглавивший в ИЯЛИ сначала группу, а затем сектор археологии. В Национальном музее Карелии сохранился любопытный документ тех лет – письмо жителя д. Кудама на оз. Сямозеро В.Я. Киркконена о найденных им древней керамике и каменных орудиях. На письме виза-поручение директора музея И.М. Мулло: «Гов. Тихонову. 1. Связаться с филиалом АН (Панкрушев) м. б. можно без разрешения [Открытого листа]. 2. Составьте письмо в Совет Министров для разрешения разведки и частичных раскопок. 3. Выехать в Сямозеро и привезти найденные предметы, описав места их нахождения. 7.9.56.» [об исполнении этого поручения см.: 53].

¹ Археологические памятники Карелии. Каталог. Научно-справочное издание. Петрозаводск, 2007.

² Брюсов А.Я. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской ССР // НИИ культуры Карело-Финской ССР. Материалы юбилейной сессии. Петрозаводск, 1947. С. 37–50.

³ Саватеев Ю.А. Археологические исследования на территории Карелии // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 5–39.

⁴ См. Макарьев С.А. Карельский государственный музей (1873–1928) // Карелия. Ежегодник КГМ за 1928 год. Петрозаводск, 1930. С. 7–18; Капусти Л.И. Петрозаводские музеумы, или Страницы истории КГКМ // Карелия. № 100 (11.09.2001 г.); Кузнецов Д.Н. История музея в контексте разработки концепции системы основных экспозиций // Музей Карелии. Концепция системы основных экспозиций Карельского государственного краеведческого музея. Петрозаводск, 2006. С. 10–25; Дианова Е.В., Дианова К.А. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии. Ч.1. Национальный музей Республики Карелия и его филиалы. Петрозаводск, 2013. С. 5–47.

⁵ Дианова Е.В., Дианова К.А. Указ. соч. С. 12–17.

⁶ См.: Афанасьева А.И. Культурные преобразования в советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 222–235; Саватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 10–41; Паиков А.М., Филмончик С.Н. Петрозаводск. СПб., 2001. С. 93–94; Филмончик С.Н. Изучение вепсов в Карелии в 1920–1930-х гг. // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р.П. Лонина). Петрозаводск, 2011. С. 15–26; она же. Жизнь интеллектуала в советской провинции // Музеи в северном измерении II. Тез. докл. научной конференции. Петрозаводск, 2012. С. 34–37.

⁷ Афанасьева А.И. Указ. соч. С. 224.

⁸ С.А. Макарьев в 1928–1931 гг. – директор Каргосмузея; в 1931–1935 гг. – заметитель директора КНИИ (директором был доктор Э. Гюллинг – председатель Совнаркома Карелии); в 1935–1937 гг., после исключения из ВКП(б) и до второго ареста и расстрела – вновь в Каргосмузее в должности заведующего историческим отделом. В музее на посту директора его сменил окончивший Ленинградский университет И.М. Мулло, активно сотрудничавший с КНИИ с момента его создания. В должности зав. историческим отделом КГМ Макарьева сменил И.Н. Тихонов, проявивший себя с 1930-х гг. как участник

ленинградских экспедиций и самостоятельный археолог-собирающий. См.: *Макарьев С.А.* 1-я сессия Карельского Научно-Исследовательского Института // Советская Карелия. 1932. № 3–4. С. 20–24; *Савватеев Ю.А.* Полузабытое имя (К 100-летию со дня рождения С.А. Макарьева) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995. С. 8–5; он же. Степан Андреевич Макарьев... С. 10–41.

⁹ А.М. Линеvский в 1929–1931 гг. по приглашению своего сокурсника по географическому ЛГУ С.А. Макарьева – сотрудник Каргосмузея; с 1934 г. – сотрудник КНИИ. Его жена Н.Н. Гурина в 1931–1936(?) гг. была сотрудницей Каргосмузея. См.: *Линеvский А.М.* Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 81–85. См. также: *Савватеев Ю.А.* В поисках достоверности: о жизни и деятельности А.М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.

¹⁰ Краткую биографическую справку о И.М. Мулло см.: Карелия. Энциклопедия. Т. 2. Петрозаводск, 2009. С. 249.

¹¹ Например: в смете расходов археологической экспедиции в Медвежьегорский район Карелии на 1939 г., составленной к тому времени уже сотрудницей ИИМК Н.Н. Гуриной и подписанной директором Каргосмузея И.М. Мулло, из общих запрашиваемых 4500 рублей 3000 ложились на КГМ и 1500 – на Карельский НИИ культуры // НА НМРК. № 96. Л. 23–24

¹² *Брюсов А.Я.* Краткий обзор... С. 39.

¹³ *Линеvский А.М.* Страницы минувшего. С. 79–82. Любопытен отклик директора Петрозаводского музея В.И. Крылова, в котором сквозит обида краеведа на удачливого питерского студента: Краевед [Крылов В.И.] «Новые» скальные изображения в Карелии // Карело-Мурманский край. 1927. № 7–8. С. 10–11.

¹⁴ *Линеvский А.М.* К вопросу о петроглифах Карелии («Бесовы Следки», Бесов Нос и Пери Нос) // Сборник ЛОИКФУН. Вып. 1. Л., 1929. С. 53–95; *Линеvский А.М.* Промыслы доисторической Карелии // Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск, 1930. С. 19–52.

¹⁵ *Линеvский А.М.* Страницы минувшего. ... С. 80.

¹⁶ *Брюсов А.Я.* К вопросу об археологии и археологических исследованиях по доистории северо-запада СССР // Советская Карелия. 1930. № 2. С. 122–123. Более полная публикация материалов стоянок: *Брюсов А.Я.* Стоянки в низовьях р. Выга, около петроглифов Бесовы Следки // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 48–53. См. также: *Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 2. Л., 1977. С. 49–58.

¹⁷ *Брюсов А.Я.* Древние поселения на рр. Суна и Черной // Советская Карелия. 1930. № 9–10. С. 101–103. Более полная публикация материалов стоянок на р. Суна см.: *Брюсов А.Я.* Сунские стоянки // Археологический сборник. С. 41–47; на р. Чёрной: *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940. № 10. С. 207–213.

¹⁸ Материалы этих раскопок поступили в Каргосмузей. См.: *Иванищева М.В.* «Картинки с выставки» // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2010. С. 18–19.

¹⁹ *Брюсов А.Я.* Каменные насыпи Карелии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 5. С. 118; он же. История древней Карелии. С. 150. № 137. С. 230–232; № 173–175. С. 237; № 189. С. 238–243.

²⁰ См.: *Брюсов А.Я.* Стоянки на Машозере и озере Лососинном // Археологический сборник. С. 35–40.

²¹ *Макарьев С.А.* Рыборецкая неолитическая стоянка // Наука и техника. 1927. № 2. С. 17–18; он же. Стоянки первобытного человека в Прионежье // Наука и техника. 1928. № 2. С. 18–19.

²² *Земляков Б.Ф.* Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время // Доклады Академии Наук. Сер. А. № 5. 1928. С. 85–90. См. также: *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М., 1940. № 159. С. 235.

²³ О В.И. Крылове см.: *Шафранская К.В.* Роль Карельского музея в развитии исторического краеведения в АКССР в 1923–1933 гг. // Музеи в северном измерении П. Тез. докл. Петрозаводск, 2012. С. 150–154; *Линеvский А.М.* Страницы минувшего... С. 81–83.

²⁴ *Морозов Ф.М.* Изображения на скалах восточного берега Онежского озера // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 1–9. С. 142–146.

²⁵ Цит. по: *Линеvский А.М.* К вопросу о петроглифах Карелии... С. 53.

²⁶ Ср.: *Логвиненко Е.С.* Заповедник «Бесов Нос» и проблема охраны памятников археологии в Карелии в 1930 – начале 1940-х гг. // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск, 2002. С. 152.

²⁷ *Тункина И.В.* Несколько штрихов к портрету В.И. Равдоникаса 1920-х гг. (по архивным материалам) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 193–194.

²⁸ Там же. С. 193.

²⁹ Этот период в биографии В.И. Равдоникаса (см. *Столяр А.Д.* Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 8–30) туманен; только специальные изыскания в архиве выяснили, что в 1921 г. он участвовал в кровавом подавлении Кронштадтского восстания (*Тункина И.В.* Указ. соч. С. 193). Примечательно, что в июле того же 1919 г., то есть спустя месяц-другой после возвращения из олонцевкой «командировки», В.И. Равдоникас уже проводил раскопки курганов на р. Воложба под Тихвином.

³⁰ *Ravdonikas V.I.* Die Grabsitten in der “finnischen” Kurganen im sudostlichen Ladogagebiet // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. 4. S. 214–228; *Raudonikas W.I.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

³¹ *Равдоникас В.И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск, 1930. С. 53–69; *Равдоникас В.И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. – Известия ГАИМК. Вып. 94. М., Л., 1934.

³² *Равдоникас В.И.* Скандинавские находки в курганах Прионежья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 169–171.

³³ Подробнее см.: *Спиридонов А.М.* Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск, 2014. С. 47–48 (Электронное издание). Доступ <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=21607&сType=1>

³⁴ *Макарьев С.А.* Карельский государственный музей... С. 17.

³⁵ *Тюкова К.Э.* Александро-Невский собор // Олонцевкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 116–117; *Кузнецов Д.Н.* История музея... С. 17.

³⁶ *Земляков Б.Ф.* Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала // Археологические работы Академии [ГАИМК] на новостройках в 1932–1933 гг. – Известия ГАИМК. Вып. 103. Л., 1934. С. 11–22; он же. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера // Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М., Л., 1936. С. 111–141.

³⁷ *Земляков Б.Ф.* Четвертичная геология Карелии. – Труды Карельского научно-исследовательского института. Вып. 1. Петрозаводск, 1936 (об исследованных стоянках каменного века – с. 92–97).

³⁸ *Гроздилов Г.П.* Курганы у деревни Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 111–114.

³⁹ *Лихачев Д.С.* Мысли о жизни. Воспоминания. СПб., 2015. С. 202–213; *Марковская Е.В.* Николай Николаевич Виноградов как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 353–355.

⁴⁰ Рукопись (машинопись) 1935 г. о сейдах и каменных сложениях архипелага, хранящаяся в Архиве НМ РК, опубликована М.М. Шахновичем: *Виноградов Н.Н.* К вопросу о значении некоторых первобытных сооружений Соловецкого архипелага // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 192–200. Об археологических работах Н.Н. Виноградова на Соловках см.: *Мартынов А.Я.* Древними тропами Соловецких островов. М., 2006. С. 9–15.

⁴¹ *Платонова Н.И.* Панорама отечественной археологии на Великом переломе (по страницам книги В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры») // Археологические вести. 2002. № 9. С. 261–278.

⁴² *Равдоникас В.И.* Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. (Предварительное сообщение) // СА. 1940. № 5. С. 187–205 (там же статьи Б.Ф. Землякова и Н.Н. Гуриной о Вознесенской стоянке). См. также: *Савватеев Ю.А.* Археологические памятники южного побережья Онежского озера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984. С. 58–67.

⁴³ *Линевский А.М.* Страницы минувшего. С. 85.

⁴⁴ *Равдоникас В.И.* К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. 1936. № 1. С. 9–50.

⁴⁵ Взаимоотношения А.М. Линевского и В.И. Равдоникаса, помимо научных разногласий, находят объяснение и в некоторых этических установках последнего. Л.В. Королькова,

исследовавшая по архивам тихвинский этап жизни и работы Равдоникаса в 1920-х гг., отмечает, что «В.И. Равдоникас очень ревностно относился к работам других исследователей, занимающихся научными изысканиями, лежащими в сфере его интересов», и в молодости не брезговал плагиатом. См.: *Королькова Л.В.* Исследователи и собиратели по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск, 2008. С. 91–106. См. также ниже о работах на Оленеостровском могильнике.

⁴⁶ *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М., Л., 1936; Ч. 2. М., Л., 1938; он же. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. 1937. № 3. С. 3–32; он же. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. 1937. № 4. С. 11–32.

⁴⁷ *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. Ч. 1. Петрозаводск, 1939.

⁴⁸ См.: *Саватеев Ю.А.* Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967; он же. Каменная летопись Карелии. Петроглифы Онежского озера и Белого моря. Петрозаводск, 1990; *Жульников А.М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.

⁴⁹ *Логвиненко Е.С.* Заповедник «Бесов Нос» и проблема охраны памятников археологии в Карелии в 1930 – начале 1940-х гг. // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск, 2002. С. 151–158; *Кузнецов Д.Н.* Археологические памятники как ресурс социально-экономического развития территории (на примере петроглифов Карелии) // Проблемы сохранения, изучения и музеефикации петроглифов Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 53–54.

⁵⁰ *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. С. 247–248. Имя открывшего памятники С.А. Макарьева, вновь арестованного и расстрелянного в 1937 г., «естественно», уже не упоминается.

⁵¹ *Саватеев Ю.А.* Николай Николаевич Виноградов и создание заповедника «Кивач». Электронный ресурс. Доступ http://zapkivach.ru/o_zapovednike/news/publikacii См. также: *Брюсов А.Я.* История древней Карелии... С. 227, 229.

⁵² *Равдоникас В.И.* Неолитический могильник на Онежском озере // СА. 1940. № 6. С. 47–48.

⁵³ Некоторые бытовые зарисовки о начальнике этой археологической экспедиции сохранились в воспоминаниях местного жителя и одно время – директора оленеостровских разработок Д.С. Богданова (даты слутаны, а имя учёного начальника забылось). Здесь же встречаем сообщение о том, что кости из карьера направлялись также в Горный институт в Ленинграде, где с ними и мог познакомиться Б.Ф. Земляков, о чём упоминает В.И. Равдоникас. См. *Богданов Д.С.* Оленьи острова (из воспоминаний «Лазурное Заонжье») // Кижский вестник. Вып. 6. Петрозаводск, 2001. С. 27–28.

⁵⁴ *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. – МИА. № 47. М., Л., 1956; здесь же вступительная статья В.И. Равдоникаса.

⁵⁵ *Гурина Н.Н.* Неолитическая стоянка Войнаволок 9 в свете раскопок 1938–1939 гг. // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 62–64; она же. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера // КСИИМК. 1940. Вып. VII. С. 28–36; она же. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г. // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 114–120. См. также о работах 1940 г. на р. Кемь: *Горецкий Г.И.* Неолитические стоянки в районе г. Кеми // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 111–114.

⁵⁶ *Гурина Н.Н.* Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегогорского района // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 59–74; она же. Поселения эпохи раннего металла на северо-восточном берегу Онежского озера // Там же. С. 75–85. Она же. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. № 20. М.-Л., 1951. С. 77–142. См. также: *Ямпольский В.С.* Некоторые данные о неолитических поселениях Олонецкого района // Археологический сборник... С. 54–58.

⁵⁷ *Тихонов И.Н.* Отчёт о поездке в село Шую с целью уточнения обнаруженных краеведами неолитических стоянок и с целью определения степени их сохранности // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 211–212.

⁵⁸ *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. – Труды государственного исторического музея. Вып. IX. М., 1940. См. также: Археологические экспедиции ГАИМК и Института

археологии АН СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962.

⁵⁹ *Ravdonikas B.II.* Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР // КСИИМК. 1940. Вып. VII. С. 11.

⁶⁰ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв./ В.Г. Гейман. Петрозаводск, 1941.

⁶¹ *Nordqvist K., Seitsonen O.* Finnish archaeological activities in the present-day Karelian Republic until 1944 // *Fennoscandia Archaeologica*. 2008. Vol. XXV. P. 40–41, 47–49.

⁶² *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelrier und ihrer Kultur // *Acta Archaeologica*. 1944. Vol. 15. S. 1–28.

⁶³ *Nordqvist K., Seitsonen O.* Finnish archaeological activities. P. 41–43. Fig. 6, 7.

⁶⁴ *Ibid.* P. 43. Упомянутая стоянка Аласалми на Вагатозере была известна по более чем 350 предметам в Национальном Музее в Хельсинки, собранным Л. Пяяккёненом в ходе его путешествия 1899 г. См.: *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. № 125. С. 227.

⁶⁵ *Auramaa A.* Kulturförhallandena i Finland före finnarnas invandring – SMYA. 1951. N 52 (1). S. 85.

⁶⁶ *Nordqvist K.* Richard Indreko's archaeological activities in Finland and East Karelia (Russia) 1943–1944 // *Man, his time, artefacts, and places. A collection of articles dedicated to Richard Indreko*. Tartu, 2013. P. 181–194.

⁶⁷ См.: *Дудинова Т.Ю.* Деятельность финских исследователей по изучению и сохранению памятников архитектуры и искусства на территории Заонежья в годы оккупации (1942–1944 гг.) // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на Заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 74–78. См. также: *Пашков А.М., Филимончик С.Н.* Петрозаводск. С. 107.

⁶⁸ *Линевский А.М.* Страницы минувшего. С. 91.

⁶⁹ Археологический сборник / А.Я. Брюсов. Петрозаводск, 1947.

⁷⁰ *Машезерский В.И.* Научно-исследовательская работа Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР за годы советской власти // *Известия Карельского и Кольского филиалов АН СССР*. 1957. № 1. С. 30–31. В.И. Машезерский сыграл важную роль в этих преобразованиях. С 1937 г. он занимал должность директора КНИИК, с 1946 г. – учёного секретаря базы АН СССР, с 1950 г. – директора ИЯЛИ. См.: *Макуров В.Г.* Виктор Иванович Машезерский (к 110-летию со дня рождения) // *Труды КарНЦ РАН*. 2012. № 4. С. 211–213.

⁷¹ *Кузнецов Д.Н.* История музея... С. 17.

⁷² *Линевский А.М.* Общество юго-восточного Приладожья в XI в. // *Известия Карельского филиала АН СССР*. Т. 1. Петрозаводск, 1949; он же. Новое о прошлом южной Карелии // *На рубеже*. 1951. № 1.

⁷³ *Кочуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси X – начала XIII в. Петрозаводск, 1985.

⁷⁴ *Брюсов А.Я.* Отчёт об археологических работах в Карело-Финской ССР, произведённых осенью 1946 г. // *Вестник Карельского краеведческого музея*. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 213–214.

⁷⁵ *Брюсов А.Я.* Северная археологическая экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 27–33. См. также: *Савватеев Ю.А.* Археологические исследования... С. 13–14.

⁷⁶ *Гурина Н.Н.* Результаты работ Карельской археологической экспедиции // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 30–40; она же. Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 65–71.

⁷⁷ *Гурина Н.Н.* Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области [в 1951 г.] // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 23–29.

⁷⁸ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // *МИА*. № 87. М., Л., 1961. С. 316–326.